

материального положения и господствующего политического строя. На данном витальном уровне культуры каждый поступок индивида детерминирован полезностью действия для индивида. Аксиологические установки ненасилия на данном уровне вполне могут быть задекларированы как таковые, однако, при малейшей угрозе спокойствию жизненного хода индивида – они будут сметены со счетов.

Следующий уровень культуры – специализированный. Отличительной особенностью специализированного уровня культуры является его концентрация как на важности самой жизни в целом, так и на значимости каких-то конкретных жизненных аспектов. Основной аксиологической потребностью специализированного уровня культуры является потребность в самопрезентации, реализации своего потенциала. С помощью удовлетворения потребности самопрезентации данный уровень культуры удовлетворяет потребность индивида в самой жизни. Люди, находящиеся на специализированном уровне культуры, действуют по принципу удобства и выгоды, однако в отличие от низшего культурного уровня, здесь индивид считается с потребностями и желаниями других. Ненасилие на данном уровне культурного развития выступает своего рода мерилем морали. Индивид не отвергает ненасильственные принципы, если они не претят его личным интересам или безопасности и комфорту.

И завершающий, высший уровень развития культуры – полноценный. Уже само название данного уровня дает понять, что это наиболее моральный, человеческий уровень взаимодействия с миром. Основная базисная концепция полноценного уровня культуры состоит в необходимости жизни другого. В том, чтобы быть среди людей, взаимодействовать с ними. Заинтересованность в полноте жизни других. Здесь имеется в виду не конкретная деятельность во имя благоденствия других, но человеколюбие, альтруистическая направляющая. Если охарактеризовать категорию полноценной культуры одним словом, безусловно, это будет любовь. Любовь в ее высшем понимании, не гендерно-обусловленная. К третьему полноценному уровню культуры причисляются не многие, но те, кто действительно является духовной элитой общества. Уровень полноценной культуры обусловлен духом человечества, но не материальной его составляющей. Г. П. Выжлецов [1], анализируя аксиологическую направленность культуры, охарактеризовал ее как «проникновение духа в социум и природу».

На основании аксиологического и этического анализа категории ненасилия, мы с уверенностью можем сказать, что ненасилие несет в себе все компоненты полноценной культуры и ценностной картины мира. Постулаты ненасильственной этической парадигмы напрямую взаимосвязаны с внутренней оценкой индивида окружающей его реальности. Не смотря на то, что ненасильственная концепция взаимодействия с миром не является сугубо религиозным или же исключительно философско-этическим концептом, внутренняя индивидуальная человеческая рефлексия преобразует ее общие концепты в частные этические нормы и правила.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большаков В.П. Ноосфера, культура и время. // Вестник НовГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 1998. ° 9.
2. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.

Дмитриева М. С. – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Южно-украинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского», академик Академии истории и философии естественных и технических наук.

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НАУКИ

В этом десятилетии наша кафедра проводит уже пятую конференцию, посвященную традиции и инновации научного и философского знания. Мы рассматривали традиции и инновации в науке и образовании, обращались к методологии и технологии научного знания постнеклассического уровня.

Сегодня мне хотелось бы остановить внимание участников конференции на самоорганизации самого инновационного процесса – на том, как возникают всё новые и новые концептуальные характеристики ранее открытых и истолкованных в русле прежних теорий опровержения и проблемные ситуации на пути развивающегося столь быстрыми темпами постнеклассического научного и философского знания. Выяснить, как преодолевают исследователи свои прежние представления, как опровергают или, наоборот, отстаивают их, почему они именно так поступают. Прежде всего интерес вызывают профессионально, с позиций методологии, те инновации, какими полнится познавательная деятельность этой поры – шага человечества в неизведанное своё будущее и острой нашей потребности понять его. Сегодня край или граничная позиция нашего познаваемого мира – системно-синергетическая парадигма науки.

В контексте своих важнейших положений постнеклассическая рациональность, как подчеркивает В. С. Степин [1], выражается во все более укрепляющемся статусе системно-синергетической парадигмы, и ключевым обновлением постнеклассической методологии. При этом предъясняется «конструктивное расширение и усложнение сферы рефлексивной деятельности постнеклассической науки».

Системно-парадигматический подход к миру был презентирован достаточно тривиальной познавательной операцией, называемой **экстраполяцией** [2], которая издавна выражала все усиливающуюся тенденцию научно – познавательной деятельности : прежде всего, **интеграцию** и затем – дифференциацию наук путем заимствования ими друг у друга методов и понятийного аппарата в случаях расширения их предметного поля и растущей информации об объектах. Конечно, при условии их подобия или определенной аналогии.

Процедуру экстраполяции недавно вспомнила Л.А. Микешина [3], характеризуя ее как способ оптимизации знаний и как бы легитимируя её из состояния *ceteris paribus*. Она раскрыла разные виды, логическую природу этой операции. Но совершенно не коснулась междисциплинарных исследований, которые сегодня вместе с проблемно-ориентированными формами исследовательской деятельности выдвинулись на передний план и которые по описанию собственно состоят из комплексных исследовательских программ с участием в них специалистов различных областей знания. Это, на наш взгляд, и заслуживает внимания начинающих исследователей. Системно-синергетический парадигмальный подход к сложным, нелинейно-динамическим объектам любых наук предлагал готовый уже метод – модель комплексной системной характеристики для получения дополнительной информации об их системных свойства [4].

Системно-синергетическое знание обрушилось на мир ученых каскадом -неупотребляемых ранее понятий: бифуркация, флуктуация, аттрактор и др. И

видением таких свойств предметов реального мира, как темпоральность, процессуальность, эмерджентность, нелинейность. Это был когнитивный **гештальт**. Особенность совершаемой экстраполяции состояла в том, что интегратор предлагал уже готовый метод дополнительного исследования объектов самых различных наук, сам при этом отбирая эти объекты по их сложности, сопрягаемой с рядом других системных свойств. Системно – синергетическое видение таких объектов обогащало гносеологические образы каждой науки и само, в свою очередь, оформлялось в **теорию самоорганизации и саморазвития сложных систем**.

Но гештальт этим завершен не был. И первой, неожиданной и пока еще неразрешенной проблемой явилась **сложность**. Этот термин, популярный с момента своего выхода в активный обиход наук и философской мысли, сегодня объявлен смутным и двусмысленным. Появились высказывания, что он не обозначает сложные объекты, выделяемые и противопоставляемые синергетикой простым объектам, что сложность не всегда сопрягается с самоорганизацией систем, тем более с их саморазвитием. По этому поводу В. И. Аршинов в своих работах о сложности систем [5] считает возможным сделать замечание о том, что в изначальном своем развитии предметом рассмотрения синергетики были действительно активные нелинейные самоорганизующиеся среды. Их сложный характер при этом, конечно был, что называется не в фокусе рассмотрения, и это не замедлило сказаться на ходе исследований . Объяснять и прогнозировать происходящие в среде явления исследователи – субъекты не могли. Мешала так называемая оптика ” ориентации на объект ”. Тем более в постнеклассической рациональности к тому времени оформлялся акт переключения от объекта к субъекту. Деятельностный подход к актам познания неотвратно переносил акцент активного внимания на субъективный полюс: фигурой действия становился активный субъект, а объект превращался в фон деятельного акта. При этом, взаимодействие человека со встречающимися здесь сложными системами требовало от него непосредственного взаимодействия, включенность в

протекающие процессы, видоизменяя их порой и меняя свою стратегию действий. Связь субъекта со средой усложняется. При этом, В. И. Аршинов, и не только он, склонен (“ в этом опять сказывается воздействие естествознания XX века ”) характеризовать наблюдателя сложности как посредника-субъекта в рекурсивных полях постнеклассической науки по аналогии с квантово – механическим наблюдателем. Здесь именно лежит начало первого проявления выхода синергетики на сложность следующего уровня. Она получает название **сложности**, а теория сложностных саморазвивающихся систем стала именоваться **синергетика – 2**. Это по аналогии “ кибернетика второго порядка ” у фон Ферстера. Итальянский социолог Д. Золло в недавно изданной книге о демократии и сложности выразился категорически, что термин **сложность** не описывает объективные свойства естественных или социальных явлений. Он не обозначает также сложные объекты, противопоставляемые объектам простым. Этот термин, -завершает он,- скорее отсылает к когнитивным ситуациям, в которых действуют коллективные и индивидуальные субъекты. Субъекты в своей самоориентации строят свои отношения со средой, но не могут, как обнаруживается, объяснить их простым языком классической и неклассической науки.

Ситуация подобной “ эпистемологической сложности “ приводит их в особое состояние ” субъекты, осознающие особые сложности среды, в которой они существуют, достигают состояния **когнитивной циркулярности** ” [5].

Из работ Аршинова В. И. мы далее узнаем о самой свежей инноваторской работе В. Е. Лепского о рефлексивно – активных средах инновационного развития. В. Е. Лепский предлагает подход к проблеме конструктивного расширения и усложнения сферы рефлексивной деятельности субъекта постнеклассической науки. Аршинов называет этот труд методологическо – инновационным, представляющим синергетику второго порядка с его сложностным мышлением. Автор продолжает развитие идей В. А. Лефевра, еще с 60-х гг. прошлого века закрепившего разработкой математического аппарата теоретические модели рефлексивного управления в ситуациях выбора, принятия решений и других остро – актуальных условиях. В. Е. Лепский решает задачу обеспечить в обществе интересующую **сборку сложного саморазвивающегося субъекта** и разрабатывает **приемы сборки рефлексивно – активных сред для этого субъекта**. Он охватывает во всей целостности интеллектуально – культурную подготовленность субъекта в его сравнимости по сложности с тем, с чем он должен будет иметь дело и составляет единое целое. Существенную поддержку решению этой проблемы обещает такое инновационное начинание философа и социолога науки Хельга Новатны, как введение в обиход исследователей понятия **эмерджентного интерфейса** [6]. Здесь общество опять имеет факт экстраполяции в социальные исследования очередного естественно – научного термина. Эмерджентность служит выражением неожиданности, непредсказуемости возникновения свойств под воздействием воспроизводящих эти свойства в других объектах (в частности, под воздействием систем – в элементах). Прямой физический смысл термина интерфейс - обозначение граничной поверхности веществ или тел, находящихся в разном состоянии. Граничный раздел разных фаз и состояний дает эффект образования или порождения качественно новых свойств, отличных от поверхностей. Вкратце, В. И. Аршинов находит возможным обозначить эмерджентность интерфейсов как нераскрытый пока еще источник такого значимого инновационного потенциала сегодняшнего дня как конвергентное нанотехнологическое развитие. Граничные объекты этой зоны порождают вместо консенсуса составляющих элементов их размежевание, конфликт, рост сложности (У. Эшби). Концепция интерфейса таким образом подводит нас к методологической проблеме сборки подлинно сложностного синергетического субъекта и сборки его рефлексивно – активных сред. Вся эта констелляция сложных переплетающихся процессов должна быть конструктивно осмыслена самим субъектом. Концепция В. Е. Лепского предусматривает возможность движения именно в этом направлении: в условиях экспоненциально нарастающей сложности добиться нового диалога человека с природой, обеспечивающего осмысления единства природы и человека, сложности социальной реальности в целом и каждого индивида в отдельности. Из всего этого явствует, что проблемность инновационных усилий человечества все возрастает, выход из каждой из них неизменно рождает новые проблемы, и парадигмы каждого сегодняшнего дня получают замену в будущем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: Философия, наука, культура.– Спб, 2009.

2. Дмитриева М. С. Экстраполяция метода и развитие теории // Проблемы методологии и логики науки. – Вып. 8. – Томск ТГУ, 1975.
3. Микешина Л. А. Экстраполяция как способ оптимизации знания // Эпистемология и философия науки. – 2010. – № 3.
4. Буданов В. Г. Синергетическая методология в постнеклассической науке и образовании // В кн: Синергетическая парадигма. – М, 2007.
5. Аршинов В. А. Синергетика конвергирует со сложностью. / 10. 05. 2011 // Аршинов В. А. Рефлексивно – активные среды инновационного развития в контексте синергетической сложности.
6. Лепский В. Е. Рефлексивно – активные среды инновационного развития. – М. : Изд – во “ Копицентр “, 2010. – 256 с.

Добролюбська Юлія Андріївна – доктор філософських наук, доцент, зав. кафедрою всесвітньої історії Південноукраїнського національного педагогічного університету імені К. Д. Ушинського.

ЗАГАЛЬНІ РИСИ ПОСТНЕОКЛАСИЧНОЇ ПІДСИСТЕМИ ФІЛОСОФІЇ ІСТОРІЇ

Постнеокласична підсистема філософії історії почала формуватися наприкінці ХХ ст. в руслі культури неоглобалізму, в рамках «нової світо-цілісності» та постнеокласичної раціональності. Вона поставила проблему синтезу когнітивних практик і методології нового універсалізму, основу якого складають теорії «культурного плюралізму», а також ті теорії глобалізації, які постулюють позитивний зв'язок між процесом глобалізації та культурною різноманітністю світу. Ці теорії визначають глобалізацію як становлення світо-цілісності у вигляді єдиного простору, включаючи сюди також осмислення цього процесу в різних культурних дискурсах.

В науковому плані виникнення постнеокласичної підсистеми філософії історії було реакцією на виклики постмодернізму, пов'язані із замахом на професію історика і соціальний статус самої історичної науки. Представники постнеокласичної філософії історії піддають критиці перш за все постмодернізм, а також класичну та неокласичну ментальну підсистему за методологічну однобічність. Постнеокласична підсистема припускає, з одного боку, дихотомічний стиль мислення, а з іншого – синтез різних когнітивних опозицій.

Формування постнеокласичної підсистеми супроводжується переходом від одновимірних інтерпретацій історії до багатовимірних на основі синтезу когнітивних установок класичної і неокласичної ментальної підсистем з урахуванням усього того раціонального, що міститься в постмодернізмі. Можна стверджувати, що постнеокласична підсистема виступає за інтегральну версію філософії історії. Долаючи однобічності антропологічного і лінгвістичного підходів, вона вважає найпродуктивнішою в історичному дослідженні «теорію середнього рівня» як точку перетину філософської теорії і емпіричних узагальнень.

«Теорії середнього рівня» – це синтетичні теорії, які інтерпретують взаємозв'язок між індивідуальними діями і соціальними структурами, включаючи, з одного боку, розуміння індивідуальних дій, спрямоване на встановлення їх цілей або цінностей, що суб'єктивно мають на увазі, а з іншого – соціальне пояснення цих дій, пов'язане з визначенням їх суті, виявленням стійких взаємозв'язків між ними, закономірностей функціонування і тенденцій зміни.

Як форма наукового дослідження така теорія має інструментальне значення. Відкидаючи існування універсальної істини, так само як і можливість зображувати минуле «як це було насправді», вона за своєю епістемологічною природою оптимістична, оскільки не просто декларує наявність історичної істини, але обґрунтовує її своєрідність і способи отримання. Тим самим затверджується науковість історії, здатної продукувати істинне знання про свій предмет, і разом з цим розкривається специфіка цього знання. Ця специфіка полягає в тому, що історична теорія носить імовірнісний характер і є за своєю природою об'єктивно-суб'єктивним знанням. Об'єктивним в тому плані, що його основою виступає історична реальність, на яку спрямована пізнавальна активність дослідника з метою її реконструкції. Суб'єктивним в тому відношенні, що це знання несе на собі невідгубний відбиток часу історика, а також його особових якостей. Така «теорія середнього рівня» виходить з